

Евгений Бриз
Одноразовые чувства
(One Day Love)

"Мы – дети Мегалополиса. Им порождённые, им же и сожранные. Урбанистический каннибализм. Настоящего ничего не осталось".

Я отбросил ручку и посмотрел на часы – четверть первого. Мы с Нат уже опаздывали на похороны на пятнадцать минут. Она жутко нервничала по этому поводу. Впервые за долгие месяцы я увидел проявление её естественных чувств.

– Иван, ты издеваешься? – простонала сестра с порога моей комнаты. – Церемония уже началась!

– Бьюсь о заклад, мы не единственные опаздывающие, – парировал я, не спеша убирая ежедневник в нижний ящик письменного стола.

Там же лежали запасы пластинок. Я покопался и нашёл "скорбь", с трудом предпочтя её "веселью". Откровенно говоря, мне было плевать, но как-то нелепо запороть диплом за пять недель до защиты из-за пары шуток и улыбку от уха до уха.

– Надо ещё купить цветы, – напомнила сестра и недвусмысленно посмотрела на мирно покоящийся на столе бумажник. *Мой бумажник.*

– Вскладчину, – отрезал я и резко встал.

– Не-а. Ты – старший брат, пятикурсник, а я всего лишь второкурсница. Поэтому платить тебе.

Секунду поразмыслив, я безразлично бросил:

– Что ж, значит, пойдём без цветов.

– Нет! – Нат испугалась подобной перспективы и сменила тактику. – У меня осталась последняя тысяча. И ту заняла у Женьки.

Я без труда вытерпел её жалобный взгляд, но решил не раздувать из мухи слона.

– Чего тебе никогда не придётся занимать, так это наглости. – Выждав необходимую паузу, я добавил: – Ладно, сестрёнка, я оплачу.

В маленьком магазинчике цветов я нарочно долго выбирал подходящие варианты. Опоздание на пятнадцать минут никто бы не заметил, а вот больше – другое дело. Похоже, до Нат, наконец, дошло.

– Мы берём вот эти, – вмешалась она и указала продавщице на вазу с тёмно-красными розами. – Четыре штуки.

Я усмехнулся и отсчитал необходимую сумму. Университет уже виднелся по курсу, но я никуда не спешил. Нат распаковала пластинку скорби и сунула под язык.

– Поторопись! – Она дёрнула меня за рукав и одарила вопросительным взглядом. – Почему ты не принимаешь пластинку?

– Передумал. К чёрту скорбь! Я ненавижу этого жирного ублюдка, как и все.

Сестра тут же остановилась.

– Ваню, не беси меня, – прошипела она.

– У меня нет цели тебя бесить, – честно признался я. – Но сегодня – никаких пластинок.

– Хорошо. С последствиями будешь разбираться сам.

– Идёт.

Как и опасалась Нат, мы явились на церемонию одними из последних. Не желая оставаться на задворках, я взял сестру за руку и потащил вглубь толпы. Все как один – вырядились в чёрное и имели суицидально-депрессивные выражения лиц. На многих из них виднелись следы высохших слёз, у женщин – украшенные потёкшей косметикой. Посреди университетской площади стоял гроб, из которого, подобно припорошённой снегом холму, выглядывало пугающее размерами пузо. Отныне обретшее вечный покой от пицц и пончиков.

Началось действие принятой Нат пластины. Она смотрела на гроб, слушала проникновенную речь священника, и в любую секунду я ожидал, что она вот-вот разревётся, как и остальные.

– Скорбящие лицемеры, – проговорил я вполголоса. – Неплохое название для сегодняшнего дня.

– Что ты сейчас сказал?

Я повернул голову и увидел перекошенное от ярости лицо. По иронии судьбы рядом с нами оказалась группа ректорских любимчиков, именуемых всеми «голубками». Ходили слухи, что в фаворе у толстяка имелось несколько студентов, в основном – смазливых пареньков с хрупкими фигурками. Он гарантировал им светлое будущее, а они в качестве платы посещали факультативные занятия в его

загородном особняке. Разумеется, об этом никто и никогда не говорил в открытую, учитывая вес толстяка. В прямом и переносном смысле. Но ведь теперь он – труп, пусть и по-прежнему очень тяжёлый, и правила игры поменялись, не так ли?

– Что слышал, голубок, – ответил я значительно громче, чем планировал. Не сдержался.

Свора шакалов ощетинулась, а один из них (вожак, не иначе) набросился на меня с кулаками. Толпа расступилась, священник замолчал. Я быстро успокоил тщедушного голубка двумя ударами в корпус и одним в челюсть. Скорбящие лицемеры ахнули, кто-то завопил о безобразии и отсутствии стыда. Остальные шакалы, к моему удивлению, не поджали хвосты, а бросились на меня всем скопом. Я насчитал пятерых. Двоим мне удалось нанести макияж, но и сам я отхватил пару-тройку укусов. Через несколько секунд нас разняли.

– Ты мертвец, Скорпинцев! – закричал один из уцелевших. Мне льстило, что он знал мою фамилию, хотя я его – нет.

В тот момент я уже понял, что влип, поэтому не стал сдерживать себя.

– Мертвец – твой дружок, – я кивнул в сторону гроба. – А я живее вас всех.

Стоит ли говорить, что было потом? Те самые последствия, о которых предупреждала Нат. Тем же вечером меня вызвали на ковёр к проректору, Николаю Павловичу. Вот уж кого стоило бояться. Этот двухметровый атлант единоличными решениями отчислял студентов едва ли не группами, за что удосужился прозвища Палач Никола. После каждой сессии он вывешивал в холле университета так называемый «список на расстрел». Лентяев он ненавидел больше всего.

– Ты – бунтарь, Скорпинцев? – спросил проректор, едва я перешагнул порог его кабинета.

– Прошу прощения? – не понял я.

– Что за дьявольщину ты устроил на церемонии? – Он выскочил из кресла, и я испугался, не накинется ли он на меня.

Такое уже случалось в его карьере. Благо, не со мной. Похоже, время пришло.

– Ты не принял пластину скорби, верно? – продолжил Николай Павлович, медленно приближаясь ко мне. Его стальной взгляд, по ощущениям, проникал в самые дальние уголки моего сознания.

– Верно, – подтвердил я и подумал про себя: «Прощай, диплом... Да и чёрт с тобой».

– А ещё прилюдно оскорбил покойника и его лучших студентов. Что, по-твоему, я сейчас намерен сделать?

Он стоял в полуметре от меня. Нет, не стоял – нависал. Я сумел оторвать тупой взор от пола и посмотреть ему в глаза. Тонуть, так с гордо поднятой головой.

– Полагаю, вы достанете «список на расстрел» и внесёте в него мою фамилию.

Никаких морганий и дрожащего голоса. Я внушил себе, что у нас игра, кто кого переглядит.

– Наверняка чертовски обидно сойти с корабля после пяти лет успешного плавания, в каких-то паре миль от берега?

"Хрена лысого ты угадал, дядя!" – едва не сорвалось с моих уст, но я сумел промолчать.

– А вот и не угадал! – неожиданно изрёк Николай Павлович. – Прежде всего, я пожму тебе руку. За искренность – самое дефицитное качество нашего общества.

Ожидая подставы, некоего особо извращённого перевёртыша, я не сразу, но всё же ответил на рукопожатие. Оно оказалось настоящим. Проректор прочёл не озвученный вопрос в моих глазах и заговорил:

– Думаешь, один ты ненавидел Антонова? Этого расплывшегося извращенца-педофила. – Он пожал плечами будто оправдываясь передо мной. – Ненависть приходилось скрывать, если ты не хотел лишиться работы и перспектив. Ты и сам молчал, не желая вылететь из университета.

– Выходит, я не отчислен?

Николай Павлович снова подошёл ко мне и положил руку на плечо:

– Будь жиробас жив, я бы вышвырнул тебя с позором, прилюдно и не раздумывая. Таковы законы мироздания, не обессудь. Но теперь он зарыт в могиле вместе со своими законами. Иди готовься к защите диплома, парень. Это куда важнее, чем обсуждать мертвецов.

Тут мне стоило сплясать лезгинку или подпрыгнуть на пять метров без шеста, но вместо этого я продолжал стоять, обронив лишь дежурное "Отлично". Я ведь не принял пластину радости, чего же вы ожидали?

– Так и сказал?? – Нат выпучила глаза. Удивляться она ещё умела.

– Ну и дела, – протянул Макс, продолжая лениво листать спортивный журнал. И добавил, не поднимая головы: – Это событие надо отпраздновать.

Мы сидели на кухне вчетвером и пили чай. Макс встречался с Женей, подругой и сокурсницей Нат. Их отношения длились уже больше полугода, в то время как стандарт университета – пара-тройка месяцев, а у кого и дней. Но не думайте, что в мутных водах однодневных чувств завелись натуральные раки-однолюбы. Поэзия прошлого давно умерла, теперь царствовала скупая проза настоящего. Макс весил под девяносто килограммов при росте метр шестьдесят пять, а у Жени было лицо мартышки, у которой отобрали банан. Короче, мало кому, кроме друг друга, они вообще были интересны. Любому парадоксу можно найти объяснение.

– Тоже мне событие, – сказал я и махнул рукой. – Думаете, мне так важен этот диплом? Ещё один накопитель пыли очередного студента, чьё место в этом насквозь фальшивом обществе давно предопределено.

– О, началось! – Макс отбросил журнал на стол. – Иди выпей яда или спрыгни с крыши небоскрёба. Какого чёрта ты до сих пор обременяешь своим присутствием это фальшивое общество и вливаешь нам в уши свои депрессивные речи?

– У него просто творческий кризис, – тут же вставила Нат. – Сколько ты не можешь дорисовать "Закат в лагуне"? И как давно не написал ни одной рифмы?

– Очень долго и очень давно, – признался я.

– А всё потому, что Ваню отныне предпочитает творить без пластинок вдохновения, – пояснила Нат. – Он уже давно в стадии бесконечной ломки, но всё равно упорно противится неизбежности.

– Это печально, – сказал Макс, одарив меня лживо-сочувственным взглядом. – Боюсь, без них у тебя ничего не выйдет.

– А я слышала, – возразила Женя, – что если долго и постоянно стимулировать без пластинок атрофированные чувства, то со временем они вернуться к естественному состоянию.

– Это всё сказки, – отмахнулся Макс. – Официально таких случаев пока не зарегистрировано, поэтому обратной дороги ни у кого из нас нет, – помолчав, он добавил свою любимую цитату: – Мы – дети Мегалополиса, а родителей не выбирают.

– Ты действительно настолько глуп, что веришь в официальные версии? – спросил я и вылил остатки чая в раковину.

– Даже если кто-то и слезает с пластинок, то почему мы ничего не знаем о них? Где все эти герои? Одни только беспочвенные заявления, не подтверждённые фактами.

– Сдаётся мне, – предположила Нат, – Мегалополису нерезонно освещать такой героизм. Фактор несчастного случая и внезапного исчезновения личности никто не отменял.

– Вот об этом я и говорю.

– Нат абсолютно права, – сказал я и ткнул пальцем в мягкое плечо друга. – А ты, Рыхлый, говорил не об этом.

Немного поразмыслив, Макс продолжил наседать на меня:

– Но давай разберёмся с тобой. Ты ни с кем никогда не встречался, весёлым компаниям предпочитаешь уединение за холстом. А я твой единственный друг, да и то потому, что встречаюсь с лучшей подругой твоей сестры. И при этом к двадцати двум годам ты умудрился стать таким же зависимым от пластинок, как и все остальные. Где логика, не пойму?

– Ошибки подростково-пубертатного периода, – процедил я и направился к выходу.

Однако Макс вошёл во вкус и не думал меня отпустить.

– Окей, допустим. Но а сейчас-то ты зачем продолжаешь свой бессмысленный бунт под названием "Иван Скорпинцев против всех"? Чего ради?

– Чего ради? – переспросил я и задумался. – Ради свободы.

Макс откинулся на спинку стула и закрыл лицо рукой:

– Пресвятые угодники, о какой свободе ты ведёшь речь?

– Он про общины натуралов, – снова за меня пояснила Нат. – Макс, разве ты не знал, что иллюстрирует "Закат в лагуне"? Влюблённая пара на берегу тропического острова. По-настоящему влюблённая.

– Общины натуралов? Вы серьёзно? – Макс натянул улыбку. Вышло неубедительно. – Так они тебя и приняли. Ведь ты для них – фальшивый человек, синтетик. Как ещё они нас называют?

– Да плевать как. Сейчас я могу быть для них кем угодно, главное – кем я стану завтра.

– О! – только и выдавил из себя Макс.

Я вернулся в свою комнату, закрыл дверь и уселся перед незаконченной картиной. Пошёл четвёртый месяц тщетных попыток завершить начатое. Оставалось, по сути, не так много работы, но, перестав принимать пластины, я боялся, что не смогу творить так, как раньше и испорчу картину. Этот страх болезненно впился в душу острыми когтями и не желал отпустить.

В тот день ничего не изменилось.

Защита диплома прошла успешно. Отчислили только самых тупых и ленивых. Я не удивился, узнав, что в список вошли почти все "голубки" усопшего ректора. Палыч не церемонился, получив власть.

Второй раз за пять лет я отправился на студенческую вечеринку в ночной клуб. Прошлый случился на первом курсе во время так называемого посвящения, после которого я твёрдо решил, что вечеринки – не моя стихия. Но на сей раз повод казался весьма убедительным. Как-никак выпускной.

Часа два мне было весело, я плясал на танцполе, шутил и смеялся. Затем, когда действие пластины веселья закончилось, я не стал принимать следующую, а взял два бокала виски и занял свободный диван в тёмном углу, где кислотной музыки и едкого сигаретного дыма было меньше всего. Время замедлило бег, я взирал на происходящее и думал о жизни и перспективах. О том, что, если ничего не изменится, мне, рано или поздно, предстоит влиться в струю. Устроиться на работу, которую я буду ненавидеть, пока не приму пластину интереса. Писать картины и стихи, пока однажды вечером, забыв напичкать себя вдохновением, я не посмотрю на них безразличным взором и не сожгу на костре. Жениться на девушке, которая будет любить меня по графику – восемнадцать часов в сутки и ни часом больше.

Я уже намеревался уйти из клуба, как в мой тёмный угол завалилось сразу человек восемь. Всем едва хватило места, пришлось тесниться.

– Мой друг художник и поэт, – заговорил Макс, устроившись рядом и обняв меня за плечо. – Отчего ты невесел?

– Устал, – ответил я и посмотрел на сидящую напротив девицу.

Лера Воробьёва. Я запал на неё (по-настоящему) на первом курсе и почти год не решался подойти, зная, что она всем отказывает. Её бы списку "отчисленных" позавидовал бы сам Палач Никола. Кстати, ходили слухи, что он тоже проявлял интерес. Одним словом, Лера Воробьёва была местной звездой. И она знала об этом. Большинство привлекала её красота, кого-то – её папа, до неприличия влиятельный отпрыск Мегополиса, а мне казалось, что она та самая, которую я ждал все свои семнадцать лет. Мне представлялось, у нас много общего, ведь в отличие от большинства девиц, она не кидалась на шеи красавчиков, меняя их раз в месяц.

Наивность так и пёрла из меня.

Когда я всё же решился подойти и поговорить с ней, случился казус в стиле дешёвой туалетной комедии. Я начал разговор не с банальностей, а завернул какую-то остроумную шутку, после чего мне на плечо нагадила чёртова птица. Как назло, всё происходило на парковке перед главным корпусом, где десятки заинтересованных глаз наблюдали за попыткой очередного Дон Жуана заинтересовать красавицу.

Девушка засмеялась, вытащила из сумочки миниатюрную салфетку, нацарапала на ней номер телефона и протянула мне со словами:

– Ты ведь этого желаешь? Можешь вытереть ею птичье дерьмо, но тогда даже не думай звонить мне. А можешь сесть в автобус обосранным. Позвонишь через пару дней, и если у меня будет хорошее настроение, я обещаю подумать насчёт свидания. Выбериай.

Она сказала это нарочно громко, чтобы как можно больше людей услышало. А я не верил ушам. В одно мгновение в моей душе рухнул замок любви и надежды, оказавшийся карточным домиком.

Я посмотрел на салфетку, затем на Леру. Заглянул в её глаза, излучающие торжество. Медленно и очень тщательно стёр белую субстанцию с пиджака той стороной, где был записан номер. Потом бросил комок к ногам девушки.

– У вас упало, – сказал я и зашагал в сторону остановки.

Да, это был удар по её самолюбию. Даю голову на отсечение – никогда прежде она не намекала парням на возможные свидания. Пусть и столь экзотическим способом. В дальнейшем мы никогда не общались и почти не пересекались, учась в разных группах. Через неделю она начала встречаться с

пятикурсником, одним из самых завидных парней университета. Но он оказался всего лишь первым из многих в её списке.

Сейчас же, спустя четыре года, она сидела напротив меня и изучала, будто видела в первый раз.

– Не время для усталости, дружище, – сказал Макс. – У нас впереди длинная ночь и рассвет на природе.

– А у меня закат в лагуне, – ответил я и допил второй бокал виски.

– Ты надоел со своей картиной. Няньчишься с ней, как с раковым больным. Признай, без пластинок вдохновения она так и останется твоим мертворожденным дитя.

– Это мы ещё посмотрим.

– Мне скучно, – вдруг заговорила Лера Воробьёва, вращая на изящном пальчике ключи от папиного "мерседеса". – Хочется влюбиться в кого-нибудь.

Парни разом оживились. Первым успел заговорить Макс:

– Кажется, мы с тобой не встречались за все пять лет.

– У тебя есть девушка, – напомнил я без особой веры в успех.

– Слава Богу, – шепнул он, – действие пластины любви к ней закончилось часа три назад, поэтому для меня это не проблема.

– Как же она отпустила тебя в клуб?

– Я перехитрил её – вместо "One day love" принял кратковременную пластинку симпатии.

В этот момент мне захотелось врезать Максиму по его самодовольной пухлой физиономии. Его спасла Лера.

– Максимка, мы с тобой не встречались, потому что ты был не в моём вкусе. А сейчас и подавно.

– Ну, спасибо. Я вообще-то пошутил. У меня есть девушка, зачем мне ты?

– Ах, ну да. – Лера вновь уставилась на меня. – А ты что скажешь, Скорпинцев?

Изображая безразличие, она отвела взгляд и стала набирать что-то в телефоне, не удержав при этом ключи. Они соскочили с её пальца и шумно ударились о стеклянный столик.

– У вас упало, – ответил я. – Вот что скажет Скорпинцев.

Никто из присутствующих не оценил иронию шутки, ибо не знал о первоисточнике. Кроме самой Леры. Я понял, что стал для неё целью номер один. Старым карточным долгом, обросшим процентами. Давно посаженной занозой, вдруг напомнившей о себе неприятным воспалением.

– Отойдём на минутку, – предложила Лера.

Мы расположились возле мужского туалета – самого романтического места в городе.

– Вонючка тот, кто помнит старые обиды, – сказала она. – Прошло много времени...

– Угу, – перебил я, – и много парней прошло.

– А что в этом плохого? Опыт, знаешь ли...

– Натоптали малость.

Лицо Леры Воробьёвой побагровело. Как же мне это нравилось – вызывать у людей их настоящие эмоции!

– Как говорится, – продолжил я, – девушки мечтают найти парня с безупречным будущим, а парни желают встретить девушку с безупречным прошлым.

Девушка хмыкнула:

– А знаешь, ведь это ты повлиял на меня в какой-то степени. Если помнишь, до того случая в конце первого курса мы были с тобой одной масти. Неприступные крепости падшего мира.

Конечно, я помнил. Потому и влюбился.

– Сожалею, что стал причиной твоего крушения. – Я облокотился спиной о стену и процитировал строчки своего старого стихотворения: – "Он бегущим потоком амурных ночей изливал для трофеев пылающих страсть, но в погоне любви лишь сжигал козырей, превращая их пепел в безликую масть".

Оценив удивлённый взгляд Леры, я пояснил:

– Это "Крик ловеласа". Написал года три назад.

– Ты написал? Парень, у которого и подружки никогда не было?

– С чего ты взяла?

– Так говорят.

Я замотал головой:

– Враньё. На восемнадцатилетие дядя подарил мне силиконовую куклу из секс-шопа. Не думаю, что она чем-то принципиально отличается от якобы настоящих.

– О, так ты ещё и женоненавистник? Любопытный экземпляр.

– Не для твоей коллекции.

– Ладно тебе, ломаешься, как старая дева. – Лера полезла в сумочку. – Я же знаю, ты хочешь. Давай хотя бы по одной примем, на денёк? Может, нам понравится, и мы захотим продолжить.

Она протянула мне упакованную красную пластину любви "One day love" с самым продолжительным сроком действия из всех – восемнадцать часов. Я взял.

– Вот видишь, сговорчивость – не самое плохое качество.

– Это точно.

Мы распаковали пластины и, глядя друг другу в глаза, положили их под языки. Зрительный контакт не менее важен, чем мысленное представление будущих отношений с конкретным человеком. Всё это гарантирует максимальный эффект.

Обычно действие начинается через пять-десять минут, в зависимости от привычки организма. С каждым новым приёмом скорость реакции увеличивается. Стало быть, Лере потребуется не более трёх минут, а мне – куда больше.

– Думай только обо мне и ни о ком другом! – предупредила девица.

– Угу.

Я уже видел блеск её влюблённых глаз...Затем посмотрел на часы.

– Извини, мне срочно надо отлить. – И скрылся в туалете.

Зайдя в кабинку, я выплюнул не до конца растворившуюся пластину в унитаз, помочился на неё и нажал на слив. После чего подошёл к раковине, вымыл руки, прополоскал рот и посмотрел в зеркало.

– Вот и вся любовь, – сказал я сам себе и усмехнулся.

Когда я вышел из уборной, девица стояла, скрестив руки на груди. Кажется, она меня раскусила.

– Ты что натворил, мразь??

– Мразь? Разве так обращаются к любимому парню? Не удивительно, что у тебя такая текучка кадров.

– Скорпинцев – ты мертвец!

– О, мне не впервой такое слышать.

Я подошёл к ней и обнял за талию, зная, что её дико влечёт ко мне. Несмотря на сопротивления и протесты.

– Убери руки!

Мне без труда хватило сил сковать хрупкую девчущку в надёжный замок объятий. Стоя сзади, я поднёс губы к её гладкой нежной шее, поцеловал, чувствуя пульсацию сонной артерии, и прошептал на ушко:

– Если тебе понравится, можем продолжить.

Сопротивления прекратились. Наступило смирение. И слёзы неразделённой, безответной любви.

– Я тебе этого никогда не прощу, – всхлипывая, проговорила Лера.

– Время простит. А меня ты больше никогда не увидишь. Не волнуйся, слёзы высохнут очень быстро.

– Я отпустил её и медленно зашагал прочь. – Они всегда высыхают.

"Огонь в ветрах опять погас, развеян прах мой среди небес, но в бездне снов мой слышен глас: Я – птица феникс, я воскрес".

– Чем занимаешься? – Нат ворвалась в комнату без стука и предупреждения.

Я вырвал лист из блокнота, скомкал его и швырнул в утильный угол.

– Ты – стихийное бедствие творца, – вместо ответа сказал я, не глядя на сестру. – Интересно, каким тебя видел Бог, когда создавал?

– Всё ясно, у тебя снова творческое голодание. Может, на отдыхе, наконец, вдохновение найдёт тебя.

– Возможно. Если ты не будешь отпугивать его своими неожиданными появлениями. Что ты хотела?

Нат подняла бумажный комочек и развернула.

– "Феникс"? Переписываешь старые стихи в надежде на свежий импульс?

– Ближе к делу, – потребовал я.

Она бросила бумагу на пол и присела на край дивана.

– Кирилл не сможет полететь, – сказала она опечалено.

– Это кто, твой новый дружок?

– Уже нет. Мы расстались вчера вечером.
– Ясно. Ты пришла, чтобы я погоревал вместе с тобой?
Нат что-то недовольно фыркнула.
– Я знаю, почему ты выбрал Крит, – заявила она. – Там одна из крупнейших общин натуралов.
– Да. И что? У нас их тоже немало.
– Половину из которых ты уже объездил и нигде не прижился. Видать, рассчитываешь попытать счастья за рубежом. Да-да, Ваню, я и про это знаю. Из тебя никудышный конспиратор.
Я постарался сделать вид, что нисколько не удивлён.
– Я никогда и не думал конспирироваться. Поэтому не понимаю, о чём вообще наш разговор.
– Пообещай, что не станешь делать глупостей, иначе я всё расскажу отцу, и мы полетим на другой курорт.
Я устроился в кресле поудобнее и закинул ноги на стол.
– О каких глупостях ты говоришь?
– Ты прекрасно знаешь. О твоих попытках соприкоснуться с натуралами. Они лишь потешаться над тобой и вышвырнут вон. Это в лучшем случае.
– Ты что, приняла пластину жалости или ласки? – усмехнулся я. – С каких пор тебя заботит моё благополучие?
– Ты мой брат.
– Я всегда был твоим братом, а не стал им пятнадцать минут назад.
Она промолчала, не найдя подходящих слов.
– Знаешь, Нат, пришло время всерьёз проверить реальность действительности. Мой личный индикатор показывает, что я – чёртов Нео в Матрице. Я не хочу всю жизнь оставаться одноразовой батареей для Мегалополиса. И тебе не желаю подобной участи.
– У тебя есть для нас конкретная альтернатива? Не из области бескрылых надежд.
Я прильнул к ней и взял за руку.
– Главное – продолжай верить в меня, сестрёнка. Ты умная девочка, сама понимаешь, в каком мире мы живём.

– Никто не хочет пощекотать нервишки вместе со мной? – спросил Макс и вытащил из кармана горсть тёмных пластин. – Кому испуг, а кто отважится на страх? А может, найдутся любители хард-кора, то бишь ужаса?
"Боинг" едва успел оторваться от земли. Через четыре часа нас ждала солнечная Греция, а этот придурок вознамерился напичкать себя и нас "негативом".
– Где ты их раздобыл в таком количестве? – удивился я. "Негатив" не продавался в обычных аптеках, только в государственных. И получить его можно было лишь по рецепту.
– От знакомого фармацевта, – самодовольно заявил Макс.
– Мне хватило и одного раза, – сказала Женя. – Ешь их сам, мазохист.
– Ничего вы не понимаете. – Макс распаковал самую тёмную пластину и положил под язык. – Привычка уже весьма сильна. Скоро я стану бесстрашным.
– Того и бойся, – бросил я.
– Почему я должен этого бояться?
– Страх, как и боль – единственные союзники разума, отделяющие человека от края пропасти, – пояснил я. – Лишившись их, ты неминуемо канешь в лету раньше своего дедушки. Причём, скорее всего, из-за какой-нибудь рядовой глупости.
Макс нахмурился. Женя активно закивала и хотела что-то сказать, но он резко перебил её:
– Давай только и ты не включай режим профессора, ладно?
– Я просто хотела сказать, – всё же заговорила Женя, – что вчера в новостях показывали, как молодой семьянин зарезал жену и двух маленьких детей, одного из которого он забрал из роддома. И основная версия пока – интоксикация негативными пластинами. Тоже вроде хотел пощекотать себе нервишки и не рассчитал...
– Ты боишься, что я тебя зарежу? – усмехнулся Макс. – Прекращай смотреть зомбиящик. Там такого наговорят.

– А ещё больше умолчат, – сказал я. – Спихнуть всё на отрицательный заряд – проще простого. Куда чаще крыша у людей едет от ломки или резких перепадов. К тому же есть версия, что интоксикация положительными эмоциями тоже может вызвать припадок и буйство.

– Это какой-то бред. – Макс замотал головой.

– Думаешь? А мне кажется, парень попросту напичкал себя "радостью", узнав о рождении ребёнка. Да переборщил.

– Слушай, ты хотя бы на отдыхе оставишь в покое мой несчастный мозг?

Через двадцать минут, когда лайнер словил пару воздушных ям, Макс трясся, как прирождённый аэрофоб. Его лицо покрылось испариной, а руки впились в подлокотники до белизны в пальцах. Он нашёптывал какую-то молитву.

Мне в голову пришла забавная мысль.

– Девчонки, у меня есть отличное предложение, как скоротать полёт. – Я достал из рюкзака несколько пластинок веселья и заготовленный сборник анекдотов. – Налетаем.

Нат и Женя взяли по пластинке, я тоже принял. Макс покосился на меня, продолжая трястись.

– Ну ты и свинья, Скорпинцев, – прошипел он.

– Начнём, пожалуйста. – Минут через пять я раскрыл сборник примерно посередине и выбрал первый попавшийся анекдот: – "Мужик в публичном доме:

– Мне двух девочек по пятьдесят баксов.

Сутенёр:

– Извините, у нас такса – сто долларов.

Мужик:

– Ну ладно, давайте *таксу*".

Девушки засмеялись, а Макс позеленел. То ли от злости, то ли от продолжающегося разрастаться внутри него ужаса.

– Я больше никуда с тобой не полечу, – застонал он. – Дружба с тобой – это абсурд моего бытия.

Я посмотрел на него и улыбнулся:

– Тебе страшно слушать анекдоты – вот абсурд твоего бытия.

Мы поселились в Херсониссосе в небольшом семейном отеле. Сезон отпусков был в самом разгаре. По узким улочкам туда-сюда, не прекращая, носились квадроциклы, лавируя между десятками туристов.

– Мне тут нравится, – сказал заметно повеселевший Макс. – Надо будет тоже арендовать пару таких агрегатов или тачку.

Вечером, поужинав, мы прогулялись по набережной, заглянули в несколько ночных клубов и вернулись в номера ближе к утру. Отдых проходил по классическому сценарию. Разве что Нат приходилось пояснять своим потенциальным ухажёрам, что я её брат.

На следующий день мы арендовали белую "короллу" и отправились в путешествие по острову. Ретимно, Ханья, Черепашье озеро, Вай Бэй – программа оказалась весьма насыщенной, одним днём не обошлось. Периодически мы съезжали с трассы и устраивались на диких пляжах, коими Крит располагал в избытке.

Мы валялись на белом песке без лежаков и полотенец, слушали рокот волн и пение кружащих в небе птиц.

– Нам ещё стоит посетить Маталу, – сказал я, изучая карту. – В шестидесятых там жили хиппи прямо в пещерах и...

– Оставь хиппи в покое, – перебила Нат. – Мы ведь знаем, что там находится крупнейшая интернациональная община натуралов.

– Ах вот в чём дело, – оживился Макс. Очевидно, он не знал. – Нас же не пустят туда.

– В саму деревню – да, но там есть туристическая зона, – сказал я. – Эдакий общий пляж для всех.

– На общий пляж можно и съездить, – поддержал мою идею Макс. – Сколько до него ехать?

Матала находилась на южной стороне острова, дорога заняла около двух часов.

– Симпатичное местечко, – заметила Женя, разглядывая экзотическое дерево с высеченными на стволе лицами.

Все лежаки оказались заняты. Мы расстелили пляжные полотенца почти у самой воды. Ливийское море разбушевало не на шутку, выбрасывая волны до первой линии стационарных зонтиков.

– Посмотрите, оно будто возмущается, – заметил я, снимая футболку. – Фальшивые люди оскверняют этот уголок настоящей жизни своим присутствием.

– Не пори чушь, Ваню, – бросил Макс и стянул шорты, оголив упитанные белые ляжки. – Ты оскверняешь мой слух своим словесным бредом.

– Интересно, кого здесь больше, натуралов или синтетиков? – спросила Женя.

– Мне кажется, натуралы сюда редко заходят, – сказал я. – В конце концов, что им тут делать?

Я жестом призвал Макса пойти искупаться. Едва я сделал шаг, как услышал женский голос за спиной:

– Например, наблюдать за синтетиками.

Обернувшись, я увидел двух девушек, лежавших в метре от нашего места. Их лица прикрывали широкополые соломенные шляпы и огромные очки. По фигурам им можно было дать не больше двадцати.

– Порой это бывает любопытно, – продолжила одна из них, в зелёном купальнике. Её соседка, в жёлтом, добавила: – Да, но зачастую скука редкостная.

Они обе хихикнули. Я заметил, как Нат и Женя презрительно покосились на девушек, будто только что признались в лесбийской связи.

– И какой же сегодня баланс скучного и любопытного? – поинтересовался я.

– К сожалению, на редкость отрицательный, – ответил "зелёный купальник". – Ни одного запоминающегося синтетика, ни одного интересного события.

Макс подмигнул мне и прошептал:

– Похоже, жертвы сами нашли охотника.

Я еле заметно кивнул ему и подошёл к девушкам поближе.

– Негоже дамам покидать уголья без достойного улова, не так ли?

Они переглянулись, по лицам пробежали улыбки. Нат покачала головой и демонстративно повернулась спиной.

"Зелёный купальник" звали Зоя, "жёлтый" – Олеся. Первой на днях исполнилось двадцать, второй ещё не было и восемнадцати. Обе родились в одной из столичных общин. Иммигрировали три года назад и обосновались в Матале. Зоя встречалась с лидером одного из закрытого сообщества натуралов, неким Зверем.

Однако прежде, чем я всё это узнал, мне пришлось задействовать все скрытые резервы чёрного юмора, смекалки и поведать о своих увлечениях. Нельзя сказать, что они верили каждому моему слову, но мне удалось увлечь их, а это главное.

– Скажи честно, Иван, на какой ты сейчас пластине? – бесцеремонно спросила Зоя в разгар беседы, когда мы втроём плавали в море.

Я решил, что враньё – не лучшая тактика и сказал всё начистоту. К тому же никто из моих меня не слышал.

– Во время отдыха мы обычно сидим на "веселье", "интересе" и "любопытстве", иногда – на "эйфории". Сегодня утром я принимал комплекс "веселье-интерес", потому что мы намеревались посетить много новых мест, а ещё "спокойствие", ибо я провожу за рулём много часов. Но с полудня я чист, как младенец, можете не сомневаться.

– А мне кажется, ты напичкал себя "иронией" и "сарказмом", – заявила Зоя. – И теперь пытаешься произвести впечатление. Не выйдет, парень. Встречали таких. – Она поплыла в сторону берега. – Отчаливаем, Олеся, на сегодня достаточно впечатлений.

К счастью, Олеся не была столь категорична.

– А вдруг он говорит правду? Нечасто встретишь синтетика с естественным чувством юмора.

– Ещё реже встретишь того из них, кто не станет тебе лгать, – не уступала Зоя. – А верить первому встречному...

– Хорошо, – перебил её я. – Предлагаю вам пари. Вы проведёте со мной остаток дня. Ни одна из пластин, помимо "однодневной любви", не действует дольше трёх часов. Если вы заметите во мне изменения, выходит, я лжец. Можете применить ко мне жёсткие санкции, которые считаете уместными. Но в рамках разумного, конечно же.

Я помолчал, позволяя девушкам переварить услышанное. Наверняка им нечасто предлагали подобное.

– А если ты окажешься прав? – спросила Зоя. – Что тогда?

– Вы проведёте меня в свою общину на ознакомительную экскурсию.

– Вот ещё чего!

– А что, вполне справедливое требование, – вмешалась Олеся. – К тому же Зверь любит знакомиться с "неполноценными" синтетиками. Ему интересны их мотивы. Почему они не погружаются на самое дно, будучи обречёнными никогда не подняться на поверхность.

Зоя смерила младшую подругу укоризненным взглядом. Как та смела перечить ей, да ещё так аргументировано? Однако крыть ей было нечем.

– Идёт, – наконец, согласилась она. – Но если ты проиграешь пари, не жди лёгкой участи. У меня очень коварное воображение.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся я. – Чем займёмся?

– Я не собираюсь торчать тут до заката! – возмутилась Нат, когда я рассказал о переменах в плане. Не вдаваясь в подробности о пари.

– Согласен! – добавил Макс. – Я хочу успеть на ужин.

– Поужинаешь здесь или подаришь своему несчастному желудку разгрузочный вечер, – сказал я и жестом пресёк новое возражение сестры. – А ты, если не перестанешь пиццать, останешься тут до утра. И любимый папочка не прилетит к тебе на помощь.

– Вот, значит, как ты заговорил, – негодовал Макс. – Натуралки действуют на тебя, как наркотик.

– Как на тебя жратва. Разговор окончен.

Никаких угрызений совести, я делал то, что должен был.

Нат, Женя и Макс отправились в увлекательное путешествие по местным барам. Я же предложил Зое и Олеся куда более культурную программу – прогулку по экзотическим окрестностям, одобренную разговорами на разные острые темы.

– Почему ты отказался от пластин вдохновения, если не можешь творить без них? – поинтересовалась Олеся.

Куда же без каверзных вопросов.

– Я надеюсь, рано или поздно смогу.

– И ты думаешь, у тебя это станет лучше получаться? – спросила Зоя. – Писать картины и стихи.

– Не уверен, но я буду знать, что их пишу я, а не кучка химиков из правительственной лаборатории. На мой взгляд, вдохновение – одно из самых сложных и необъяснимых чувств, как и любовь. Это подарок Бога для всех творческих личностей, эликсир для их душ. Как можно заменить его пластиной, рассасываемой под языком?

– Тем не менее, многие годы ты не чурался принимать их, – заметила Зоя.

– Да, потому что был юн и глуп. Мне не повезло, как вам, родиться в общине. Разве можно винить чёрного за цвет кожи?

– Но почему ты не пошёл до конца? К чему эти ограничения и попытки плыть против течения?

– С возрастом приходит осознание, формируется собственное мнение. Ну, и была пара эпизодов, сильно повлиявших на меня. – В первую очередь, я вспомнил о первом курсе, Лере Воробьёве и вкратце поведал суть.

– Ясно. Юноша повзрослел и вкусил житейской мудрости, – заключила Зоя. – А что насчёт остальных чувств? Почему не откажешься от всех пластин разом?

– Чтобы превратиться в зомби-овощ или мину замедленного действия? Несколько дней я ещё буду похож на человека, но потом, когда начнётся ломка... – Я замолчал. – Мне нужна полная уверенность, что человеческий организм обладает способностью реанимировать атрофированные чувства. Тогда я начну курс лечебной терапии незамедлительно.

– Что за терапия? – спросила Олеся.

– Последовательный отказ от пластин, пока зависимость не исчезнет полностью.

– А что потом? Выступишь по телевидению, начнёшь агитировать общество за возврат к натуральным чувствам и всё в таком духе?

– Не, мне ещё пожить хочется, – усмехнулся я. – Наверняка случаев полного или частичного исцеления немало, просто нашему правительству, да и вообще мировой системе невыгодно, чтобы люди слезли с пластин. Рассудите сами. Уже давно установили прогрессирующую зависимость от них, но никаких запретов или разработок, как вылечить зависимое общество нет. Пастухов и стадо всё устраивает. Сигареты, алкоголь, теперь и пластины...Мы одновременно трупы и гробовщики.

Я взглянул на темнеющее небо Маталы:

– Вечереет. Можно и выпить.

Культурная программа закончилась. Мы направились в бар.

– Кажется, он заслужил встречу со Зверем, – подвела итог беседы Олеся.

Не думаю, что пара бокалов вина сыграли роль. Она оказалась девушкой с добрым сердцем и верой в благие намерения незнакомцев. Полыхающая юность.

– Пусть Зверь решает, – не согласилась гюрза Зоя. – Я скажу ему всё как есть, без прикрас и недомолвок. – Она внимательно посмотрела на меня. – Если он согласится, то завтра встретимся на пляже в четыре.

– Буду ждать, – ответил я и улыбнулся девушкам на прощание. Олеся ответила мне искренней улыбкой, и я понял, что любой ценой должен попасть завтра на встречу.

Дорога в Херсониссос прошла в тишине. Нат и Макс напились и проспали все два часа, а у Жени закончилось действие пластины веселья, из-за чего она монотонно дремала и изредка задавала мне пресные вопросы. Я что-то отвечал, но в голове крутились мысли о будущем. Готов ли я пойти на всё ради достижения конечной цели?

Где-то в воздухе витали строчки и слова. Будто месяцами накопленные переживания и образы, погребённые на дне моего разума, продирались наружу. Они почуяли запах свободы. Жаль, под рукой не оказалось блокнота, пришлось держать строчки в уме, тут же рифмовать и редактировать их. Непростая задача, но отчасти я с ней справился. Добравшись до отеля, я первым делом схватил карандаш с бумагой и начал записывать. Давно забытые ощущения творческого экстаза. К полуночи я дописал «Высохшие слёзы» – маленькое стихотворение, вместившее в себя так много правды о нас.

Высохшие слёзы, одноразовые чувства,
Новой жизни проза – извращённое искусство.
Пламенные речи и вселенская печаль –
Время нас калечит, вот и вся мораль.
Маски из улыбок, гнев под колпаком,
Этот мир так гибок, что кажется лишь сном.
Манит нас утопией эмоций всех обман,
И мы стремимся толпами в бездонный океан.
Где души запечатаны, и свой замедлит бег
Распавшийся на атомы фальшивый человек.

Вопросы с перчинкой начались утром следующего дня.

– Ну что, теперь ты доволен отдыхом? – буркнула сестра во время завтрака.

– Не сомневайся, – ответил за меня Макс дразнящим голосом. – Ещё немного и мой друг влюбился бы в одну из этих куриц. Правда, Ваню? У тебя ведь так и текут слюнки на таких. Натурпродукт, ёшкин кот! Не то, что мы, синтетические бройлеры.

– Заткнитесь оба, – огрызнулся я. – От вашего трёпа пропадает аппетит.

После обеда я совершил побег в прямом смысле слова. Никому ничего не сказав, я сел в машину и уехал на южную сторону острова. В номере на тумбочке я оставил записку с короткой фразой: «Без паники. Скоро вернусь».

Ровно в четыре пополудни я сидел на белом песке в метре от воды и потягивал безалкогольный коктейль.

– Ну что, готов? – спросила Олеся и провела рукой по моим волосам.

Она незаметно подкралась сзади и почему-то была одна.

– Ещё со вчерашнего вечера, – ответил я и встал.

Она повела меня в деревню, где обосновалась русскоязычная группа из интернациональной общины натуралов. На входе стояли ворота с контрольно-пропускным пунктом. Толстый грек сидел под тенью

соломенного зонтика и читал газету. Олеся что-то сказала ему по-гречески, тот кивнул и снова вернулся к чтению.

– Какая мощная охрана, – заметил я. – Без подкрепления не прорвёшься.

– Прибереги остроты для Зверя, – ответила Олеся, но при этом улыбаясь.

– Они у меня не лимитированы. И вообще, у него имя-то есть? Как мне к нему обращаться?

– Его зовут Паша, но это для своих. Для остальных он Зверь. Так и обращайся.

– Ясно.

На первый взгляд жизнь в Матале ничем не отличалась от жизни синтетиков в прочих деревнях. Люди как люди. Ведут себя так же, едят, дышат, ходят под одним небом. Разницы никакой, если не копать глубже. У натуралов были души. Те самые, которые мы надёжно заперли в глубинах своих тел. И каждая новая принятая пластина – очередной замок на темнице, где обитала наша душа.

Я размышлял, не поделиться ли своей философской теорией с Олесей, но очень быстро мы пришли к зданию из красного кирпича – резиденции лидеров общины.

– Я подожду тебя здесь, – сказала Олеся. – Удачи.

Через минуту меня провели в задымлённый кабинет. За столом сидел человек с курительной трубкой в зубах. Увидев меня, он встал и поприветствовал кивком. Внешне Зверь не вызывал никакого страха. Ещё одно лицо в толпе, неприметная фигура офисного планктона. Сардина, неразличимая в общей массе косяка из миллиона рыбьих тел. Но в одном его можно было назвать исключительным – он плавал на самой поверхности.

– Стало быть, ты Иван? – Не дожидаясь ответа, он продолжил. – Зоя сказала, что ты считаешь себя уникальной фальшивкой и жаждешь влиться в наши ряды. Похвальное стремление, но чем ты намерен удивить меня?

– Удивить?

– Ну да. Про твой естественный юмор я в курсе, но мне нужно нечто большее. – Он ударил кулаком по воздуху и уселся на диван. – Что-нибудь более полезное для общества. Шутов у нас и так хватает.

– Э-м-м... – Я вытащил из кармана сложенный лист бумаги. – Зоя поведала вам о моём увлечении? Я художник и поэт...

– Как в песне Никольского? Она поведала. Как и то, что ты утратил творческие способности, перестав стимулировать их пластинами.

– До вчерашнего вечера так и было. – Я подошёл ближе и протянул ему лист.

– Что это? – Зверь взял его с неким пренебрежением и развернул.

Чтение заняло секунд десять.

– Недурно. И что я должен с этим делать?

– Ничего. Это показатель того, что мне удалось вернуть утраченные чувства. – Я забрал лист и положил в карман.

– Какие ещё чувства?

– Вдохновение.

Зверь картинно загоготал и замахал руками:

– Парень, не смейся. Меня не интересует твоя способность рифмовать слова, даже если ты смог вернуть её после пластинной зависимости.

Я почувствовал, что начинаю злиться. Уж это ощущение редко у кого пропадает.

– Тогда что же вас интересует?

– Я сказал – нечто более практичное. – Зверь подскочил, приблизился ко мне почти вплотную и тихо спросил: – Что ещё, помимо шуток и стихоплётства, ты способен делать без пластин? А?

Инстинктивно я попятился назад, освобождая для себя толику личного пространства. Он решил прижать меня к стене? Рассчитывал, что я пришёл к нему на встречу с одной несчастной парой на руках? Без джокера?

– Любить, – ответил я.

Глазёнки Зверя сузились. Он выглядел удивлённым.

– Хочешь сказать, ты никогда не пользовался...

– Никогда.

Он снова улыбнулся, стряхнув с лица шелуху удивления.

– Берёг себя на выданье, как в старые добрые времена? Ха.

– Берёг возможность испытывать самое прекрасное из чувств, которыми нас наделил Бог, – пояснил я. – Испытывать иррационально, необъяснимо, а не по расписанию собственной прихоти.

– Хм, забавно.

Зверь подошёл к бару и достал оттуда бутылку коньяка.

– Выпить не желаешь? – спросил он. – Зачастую это помогает влюбиться.

Я решил, что негоже отказывать лидеру общины, в которую намереваешься влиться. Пусть и временно.

– Тебе нравится Олеся? – спросил Зверь, смакуя многолетний коньяк.

– Милая девушка. Не испачканная реальностью.

– О да, она по-прежнему верит в светлое будущее и мир без фальши. Ты тоже?

– Разумеется. Иначе к чему весь сыр-бор?

– Сыр-бор, – пробормотал он. – Вера – вот ключ к сопротивлению. Его главный двигатель, не так ли? Мне показалось, что Зверь хотел мне сказать нечто важное, но всё никак не решался.

– С ней что-то не так? – спросил я. – С Олесей?

Вместо ответа Зверь подошёл к письменному столу, открыл ящик и стал вытаскивать из него целые упаковки пластин разных цветов. Он кидал их на стол одну за другой, пока они не образовали огромную кучу. Я едва удержал в руке стакан с выпивкой. Лидер общины молча смотрел на меня, скривив губы в полуулыбке.

– Иногда лучше спать и видеть тёплые края, чем бодрствовать на морозе, – сказал Зверь.

– Я не понимаю, о чём вы. Зачем вам эти пластины? – Я приблизился к столу и провёл рукой по куче упаковок, будто не веря в их существование. – Да тут целая аптека! Весь спектр.

– Ты уверен, что хочешь знать правду? – спросил он. – Боюсь, она сломает тебя.

– Говорите.

– Я принимаю их, – заявил Зверь. – И уже давно. Доказать?

После этих слов он разорвал зелёную упаковку ("умиротворение") и засунул в рот пластину. Я смотрел на него, не в силах издать ни звука. Второй раз в жизни я становился свидетелем обрушения замка собственных надежд. Это не могло быть правдой.

– Понимаю твоё потрясение, – продолжил Зверь. – Но так устроен мир.

– Какой, на хрен, мир?! – взорвался я, напрочь позабыв обо всём. – Это какой-то дьявольский розыгрыш?

Зверь вздохнул, взял бокал и вновь уселся на диван.

– Дело в том, парень, что нет на Земле ни одной официальной общины, которую бы не контролировали извне. Они слишком опасны в своём стремлении к независимости. – Он отпил коньяка.

– Задача таких как я – следить за балансом изнутри.

– Значит ты – подсадная утка синтетиков? – Я наплевал на субординацию и перешёл на "ты". – Или они купили тебя?

– Объяснили, – поправил Зверь. – Кое-какие вещи.

– И какие же?

– Будущее за Мегалополисами и корпорациями чувств. Сопротивление бессмысленно. Они разрабатывают новые формулы. Через два-три года планету наводнят партии суперпластин. Ещё более длительные и реалистичные ощущения, коих человек не способен испытать естественным образом.

В колени ударила неприятна дрожь. Я нащупал под собой стул и присел на всякий случай.

– Порабощение, – проговорил я. – Вот их цель?

Зверь пожал плечами.

– А ты думаешь, в истории человечества были времена, когда массы никто не контролировал? Сладкая иллюзия. Все мы дети Мегалополиса, Иван, и ты с этим ничего не поделаешь.

– Не льсти себе, Зверь. Никакое ты не дитя Мегалополиса, ты его выкидыш. – Я взял паузу и поболтал остатки выпивки в стакане. – Впрочем, как и я. Но мы с тобой не братья по несчастью. Зачем ты посвятил меня во всё? Я ведь могу рассказать общине, что их лидер – фальшивка! И другим общинам.

Зверь сохранил спокойствие и невозмутимость. Он был *умиротворён*.

– Мне плевать. Действуй! Только учитывай возможные последствия. Я не единственный наблюдатель синтетиков в общине.

– Не понимаю. В чём подвох? Ты хотел завербовать меня, а на случай отказа за дверью ожидает стая головорезов?

– Никакой стаи там нет. Просто... – Зверь запнулся.

Складывалось ощущение, что он пытался выдать из себя слова, о которых боялся думать. И тут я понял, в чём дело.

– Ты сломался, – сказал я. – Они разрушили всё, во что ты верил, принудили сотрудничать, посадили на пластины, после чего ты прекратил борьбу. Но в глубине души ты по-прежнему веришь, что найдётся кто-то, кто сможет бросить им вызов. Твоя вера ушла глубоко в тень.

Зверь одарил меня до боли понимающим взглядом и допил остатки коньяка.

– Сдулась, как воздушный шарик, – наконец, произнёс он. – Воздух иссяк, осталась лишь оболочка.

– И скольким бунтарям ты раскрыл глаза? – спросил я.

– Ты – седьмой, – ответил лжелидер. – Трое согласились сотрудничать, один вернулся домой, другой попытался устроить митинг протеста, но тут же был схвачен тремя предыдущими. Я всегда знал, что настоящий юмор у судьбы бывает только с привкусом крови.

– А ещё один?

– Сбросился со скалы.

Я встал и засеменил к окну. Возле здания по-прежнему стояла Олеся в компании нескольких человек. Они шутили и смеялись. Кто эти люди – обычные жители или агенты? Зверь встал рядом и тоже посмотрел в окно.

– Чистое наивное создание, – сказал он. – Её вера кажется прочной, но на самом деле хрупка, как неокрепший стебель молодого растения. Одно неосторожное слово – и ты сломаешь его навсегда.

Желаешь проверить?

Я покосился на Зверя и заходил по кабинету.

– Мои люди скоро вычислят меня, – сказал Зверь. – Я стал редко выходить, моё естество стремительно меняется под действием пластин. Вскоре мне предстоит покинуть эти края и раствориться в пучине фальшивого океана. Сегодня, завтра – мне всё равно. Я – разменная карта, мой стакан пуст. Но твой – нет.

– Не ищи себе оправданий, Зверь.

– Никаких оправданий, я реалист до мозга костей.

В его зубы вернулась курительная трубка. Помещение начал заполнять едкий дым.

– Если сопротивление бесполезно, то какой в нём смысл для меня? – спросил я.

– Ты знаешь ответ. Пока ещё знаешь. – Зверь ткнул трубкой в направлении моего пояса. – Он в твоём кармане.

Я вспомнил, что там лежал лист со стихотворением.

– В нём лишь метафоричное описание реальности.

– Ты не понял. Ответ не в словах. Главное не в том, что именно ты написал, а в том, *почему смог* написать. Входя в эту комнату, ты знал ответ лучше меня. Потому что верил. И твоя главная миссия – поделиться верой с другими. – Зверь посмотрел на часы. – Тебе пора. Подумай о нашем разговоре.

Не помню, как оказался на улице. Голос Олеси очень долго пробивался к моему сознанию.

– Иван, всё в порядке? Ты какой-то отстранённый.

В бирюзовых глазах застыл детский испуг.

– Я уезжаю.

Испуг разгорелся искрой протеста.

– Зверь не разрешил тебе остаться хотя бы на пару дней? Я могу поговорить...

– Не стоит. – Я взял её тёплую ладонь и вложил в неё сложенный лист бумаги. – Мы, фальшивые люди, – это высохшие слёзы человечества. Цивилизация давно оплакала нами свою кончину. Кто бы ни остался на этой планете в нашем облики, это уже будем не мы.

– О чём ты говоришь?

– Когда-нибудь ты поймёшь.

Я поцеловал её в щёку и поспешил прочь. Дома меня ждало одно незавершённое дело.

Улыбка Нат казалась вполне естественной. Я и не мечтал, что когда-нибудь смогу вызвать у неё истинное чувство радости. Она смотрела на "Закат в лагуне" и улыбалась. Радовалась за меня. За себя. За нас.

- Ты действительно смог, – проговорила Нат. – Потрясающе.
- Теперь твоя очередь, сестрёнка. – Я подошёл сзади и обнял её за плечи. – Первый шаг сделан.
- Но куда мы идём, Ваню? – обречённо спросила Нат и положила голову мне на плечо. – Что нам остаётся делать в мире, лишённом будущего?
- Верить, – ответил я.

Ковёр из опавшей листвы приятно шуршал под ногами. Я шёл на встречу в закрытый клуб анонимных бунтарей. Тех, кому удалось сбросить с себя оковы зависимости, но кто не мог заявить о своём успехе во всеуслышание. Они сами вышли на меня, но понятия не имею – как? Под мышкой у меня торчала папка с новой подборкой стихотворений, написанных на «чистом» вдохновении. Я планировал зачитать их на публике.

– Скорпинцев! – услышал я за спиной.

Повернувшись, я увидел Леру Воробьёву. Она буравила меня надменным взглядом, засунув руки в карманы длинного пальто.

– Привет, красотка, – сказал я и улыбнулся. – Тебе понравились наши одноминутные отношения, и ты желаешь продолжить?

В сумерках я не сразу уловил свинцовую угрюмость её лица. Нижняя челюсть активно работала.

– Слёзы высохли очень быстро, как ты и обещал, – едва ли не прорычала девица. – Но я тоже держу обещания. И не привыкла, чтобы со мной так обращались!

После этих слов она вытащила из правого кармана нечто похожее на пистолет.

– Эй, потише! Неужели всё из-за... – И тут я понял, что находилось у неё во рту. – Ты приняла "гнев"? "Ненависть"?

– Да, пять минут назад. Действие уже начинается. Я чувствую.

– Но зачем, тупая ты сука??

– Проспорила подружкам. Пришлось напичкать себя целым коктейлем зла из папиных подпольных запасов. – Лера стряхнула упавший ей на плечо жёлтый лист. – Знаешь, изначально я не планировала тебя убивать, думала отомстить как-нибудь иначе. Но, боюсь, сейчас больше всего на свете я жажду выпустить в тебя всю обойму. Не представляешь, как тяжело мне сдерживаться!

Проспорила подружкам? Я не ослышался? Вот она, квинтэссенция нашего бытия.

– А последствия? О них ты не подумала?

– Скажу, что у тебя от ломки поехала крыша, и ты напал на меня. Мне ничего не будет или ты забыл, кто мой отец?

Глаза девицы излучали торжество ненависти. Ещё одно сожранное дитя Мегалополиса. Насмешка богов. Первая и единственная девушка, в которую я позволил себе влюбиться, возжелала пристрелить меня в подворотне, как бездомного пса.

– Вот и вся любовь, – усмехнулся я и бросил папку со стихотворениями на опавшую листву.

– У вас упало, – сказала Лера и шагнула в мою сторону.

Её палец лёг на спусковой крючок...